

УДК 14+37.1

*М. И. Вишневский***СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ****THE SOCIO-CULTURAL SIGNIFICANCE OF
PHILOSOPHICAL EDUCATION****Аннотация:**

В статье обосновывается вывод о том, что, несмотря на значительные изменения в глобальной социокультурной ситуации, философская образованность способна сохранить конструктивное значение в жизни личности и общества. Цель статьи – выявить основные условия выполнения философским образованием своей мировоззренческой функции в современных условиях. Условия эти характеризуются растущим недоверием к притязаниям на всеохватность системам воззрений и идей, неприятием массовой аудиторией усложненного языка специальных текстов. Обсуждаются способы преодоления барьеров, возникающих у учащейся молодежи на пути освоения материалов философии. Излагаемые выводы направлены на совершенствование философско-мировоззренческого образования будущих специалистов.

Ключевые слова: мировоззрение, философское образование, культура, современность, психологические типы, адаптация.

Анотація:

У статті обґрунтовується висновок про те, що, попри суттєві зміни в глобальній соціокультурній ситуації, філософська освіченість здатна зберегти конструктивне значення в житті особистості й суспільства. Мета статті – з'ясувати основні умови виконання філософською освітою своєї світоглядної функції в сучасних умовах. Ці умови характеризуються дедалі більшою недовірою до систем ідей і поглядів, які претендують на всеохопність, неприйняттям масовою аудиторією складної мови спеціальних текстів. Обговорюються способи подолати бар'єри, які виникають у шкільної молоді на шляху освоєння матеріалів філософії. Сформульовані висновки спрямовані на вдосконалення філософсько-світоглядної освіти майбутніх фахівців.

Ключові слова: світогляд, філософська освіта, культура, сучасність, психологічні типи, адаптація.

Annotation

The article substantiates the idea that, despite the significant changes in the global socio-cultural situation, philosophical education can retain its constructive role in the life of the individual and society. The purpose of the article is to clarify the basic conditions for the fulfillment by philosophical education of its ideological function in the modern world. These conditions are characterized by a growing distrust for some systems of beliefs and ideas claiming to be all-embracing, rejection by the mass audience of the overelaborate language of special texts. Ways to overcoming the barriers encountered by students in studying philosophy materials are discussed. The findings are aimed at improving philosophical and ideological education of future professionals.

Key words: world outlook, philosophic education, culture, modernity, psychological types, adaptation.

Философское образование, понимаемое широко и не сводимое к подготовке соответствующих специалистов, правомерно считают непосредственно связанным с формированием мировоззрения получающей его личности. Когда мы говорим о философском образовании в таком широком его значении, речь идет об освоении одной из общеобразовательных дисциплин, которая вобрала в себя достижения многовековых исследований, относящихся к теоретической, понятийно-логической форме мировоззрения. Мировоззрение мы будем понимать как совокупность основополагающих убеждений относительно окружающей действительности и места человека в ней, направляющих наши мысли и действия. Наличие у человека таких убеждений и их практическая действенность свидетельствуют о том, что его бытие является осмысленным, имеющим достаточно отчетливые ориентиры.

Ближайшим образом философское образование выступает как приобщение к теоретико-мировоззренческим учениям и идеям, составляющим в совокупности то, что принято называть философскими знаниями. Каждое философское учение выражает в теоретической форме особенности мировоззренческой позиции его создателя. С какой степенью полноты и адекватности оно его выражает – это отдельный вопрос, и его мы здесь в основном не будем обсуждать. Отметим лишь, что, будучи сформулированным и зафиксированным

в культуре, философское учение непосредственно предназначено для изучения, усвоения кем-либо. Предполагается, что новое учение создается для того, чтобы прояснить некие мировоззренческие сущности, на которые прежде не обращали должного внимания или даже допускали их превратное толкование.

Каждый читатель философских произведений может на свой лад истолковать суждения, предложенные ему для ознакомления и вынесения, так сказать, на его суд. Выводы, которые он извлекает из этих произведений, вытекают во многом из особенностей его жизненной позиции, собственного опыта и, вместе с тем, дают новое освещение и развитие его ценностной ориентации. Философское образование личности в идеале непосредственно направлено на более отчетливое, продуманное и глубокое ее мировоззренческое самоопределение, на уяснение ею собственных бытийных смыслов и базовых жизненных ценностей.

Реальность же такова, что в современной социально-культурной среде классическая философия с ее строгими универсалистскими концептуальными построениями, внешне весьма далекими от повседневного жизненного опыта и круга житейских забот подавляющего большинства людей, представляется этим людям чем-то очень странным, неинтересным и даже архаичным. Все мы учились в школе, многие из нас получили специальное образование, в том числе и высшее, поэтому определенное, пусть даже весьма беглое, знакомство с философией у нас обычно есть. К сожалению, данное знакомство не вызвало у многих из тех, кто изучал философию, глубокого, искреннего интереса к ней, а также убеждения в ее жизненной значимости и стремления продолжить философское образование.

Было время, когда лекции, а также книги Канта или Гегеля, при всей их изощренной сложности, становились весьма важными событиями в культурной жизни не только соответствующего университетского города, но и всей Германии, даже всей Европы. Сегодня такое трудно себе представить. Дело даже не в том, что за последние столетия чрезвычайно вырос общественный фонд самой разнообразной информации, доступной широкому кругу потребителей, и в нем имеется немало различных по степени сложности философских

понятийно-логических конструкций. Проблема состоит в том, что именно сложность и абстрактность таких конструкций, непривычность их понятийного аппарата и общего хода мыслей профессиональных философов разочаровывает и отпугивает подавляющее большинство современных читателей.

Эти читатели привыкли к тому, что в интернете имеется вся необходимая для самых разных случаев жизни информация, притом компактная, удобная для использования и не требующая особых интеллектуальных усилий для ее освоения. Мысли и образы расфасованы на мелкие порции, наподобие жареных орешков. Длинные рассуждения кажутся в данных условиях неуместными, утомительными и даже в чем-то подозрительными. В памятном всем нам прошлом пространные наукообразные рассуждения об основах бытия человека и общества, претендовавшие на неоспоримую истинность, нередко вели к далеко не безобидным практическим выводам и последствиям. Кредит доверия к великим философским учениям и идеологическим системам прошлого во многом утрачен. Предельно широко и шокирующе резко об этом заявлено в «Поздних мыслях» Карла Густава Юнга: «Всякая форма хронического отравления есть зло – безразлично, идет ли речь об алкоголе, морфии или идеале» [4, с. 273].

Современное информационное пространство наполнено стремительно сменяющимися друг друга сенсациями, оформленными в виде клипов. Нынешний потребитель информации готов допустить, что коротенькие мысли и быстро сменяющие друг друга яркие картинки содержат немало лжи, но он знает также, что одна такая мелкая ложь вскоре перечеркивается другой. В общем их потоке, где все мелькает, как в калейдоскопе, этот потребитель ищет скорее оригинальность и занятность, нежели глубину и правдивость. Подобная информационная вермишель или, может быть, «лапша на уши», вне всяких сомнений, имеет значительное влияние на мировоззрение людей, которое во многом само становится клиновым и перегруженным лгтами. Но наш разговор – о философии, ее месте в жизни современников и в культуре в целом.

Культуротворческая миссия философии во многом связана с тем,

что, переводя в отчетливые мысли свое понимание окружающего мира, а также своеобразия и места человека в мире, философ оформляет в понятиях и делает ясно выраженным смысложизненное содержание, которое отчасти уже носилось в воздухе, заботило и тревожило многих людей. Знакомясь с его концептуальными построениями, люди могут по-новому взглянуть на окружающий мир и самих себя, лучше понять свою жизнь, ее проблемы. При этом люди неодинаковы и по социокультурной принадлежности, и по психологическим типам, что сказывается на их мировосприятии и миропонимании. Философские учения тоже весьма несходны по основополагающим посылам, общей направленности, составу разрабатываемых проблем. Иными словами, в философии тоже можно усмотреть своего рода калейдоскопичность или, точнее, мозаичность, вызванную тем, что единого обязательного для всех философского мировоззрения нет и, судя по всему, не может быть.

Но было бы совершенно ошибочным ставить элементы этой мозаики в один ряд с теми клипами и клише, которыми переполнены современные средства массовой информации. За внешней несовместимостью разнообразных философских позиций опытный взгляд специалиста без труда устанавливает их глубинную общность, состоящую в том, что они как бы дополняют друг друга до искомой, хотя и трудно осуществимой целостности. обстоятельное изучение философии как определенного единства в многообразии способно расширить наш кругозор, помочь нам более эффективно осваиваться в меняющихся жизненных обстоятельствах, осмысливать пути дальнейшего развития.

Все эти глубинные бытийные смыслы надо еще суметь разглядеть, постичь в весьма непростых для понимания философских текстах, написанных, как правило, сложным языком и зачастую весьма абстрактных, как бы далеких от повседневных жизненных забот. Это и побуждает некоторых людей утверждать, что философия элитарна, то есть предназначена для избранных и не должна быть обязательным учебным предметом. Тем самым предполагается, что для большинства людей философия просто не нужна или бесполезна; своими делами эти люди могут успешно заниматься и без нее.

Нужно, однако, уточнить, о какой пользе идет речь. Осваивать и, соответственно, знать что-либо можно как «для дела», так и «для души». Разница между тем и другим вполне понятна для взрослого человека, который не отождествляет себя со всяким делом, которым ему приходится заниматься. Некоторые дела могут быть близкими нам по духу, выражающими нашу собственную сущность; другие, наоборот, безразличны или даже чужды и неприятны нам, но мы все же вынуждены по той или иной причине их делать, а для этого приходится приобретать определенные знания и умения. Может быть, здесь имеет место не одно лишь внешнее принуждение, а и собственное заключение о полезности, но только такой, которая не входит в наше «Я».

Заниматься чем-либо «для души» означает действовать бескорыстно в смысле внешней полезности или выгоды; занятие здесь важно или интересно само по себе. При этом оказывается, что самооценность занятия побуждает нас стремиться к достижению возможно большей полноты и совершенства знания и соответствующего умения (хотя бы просто потому, что нам это интересно), тогда как внешняя полезность может и не требовать подобной обстоятельности и серьезности. Нужное для дела можно узнать из справочников, и его часто не обязательно запоминать, если источники информации доступны и удобны в употреблении. Нужное «для души» запоминается и припоминается с удовольствием. Виктор Франкл отмечал в связи с этим, что потребность толкает нас, вынуждает к определенным действиям, тогда как ценности, высшие смыслы, наоборот, притягивают, влекут к себе без всякого принуждения [2, с. 63, 82].

Если речь идет об изучении философии, то доминирование в его обосновании соображений внешней полезности действительно делает необходимость философских знаний для широкого круга людей во многом проблематичной. Но если удастся достичь принятия человеком философии как своего личного дела, понимания ее незаменимости с точки зрения саморазвития, тогда отношение к ней радикально преобразуется, и она становится нужной и интересной, как нужные стихи человеку, любящему поэзию, или как запоминается и легко вспоминается понравившаяся нам мелодия. Может быть, в отношении

философии ключевыми являются не одни лишь эстетические мотивы, а скорее ощущения интеллектуальной силы и потенциальной плодотворности. В любом случае здесь можно говорить о признании ее самоценной и в этом смысле допускающей также и разнообразную полезность, которую, однако, трудно наперед рассчитать и скалькулировать.

Бертран Рассел отмечал, что философия, как он ее понимает, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в рассуждениях по поводу предметов, относительно которых у нас нет точного знания, но, подобно науке, она вызывает к разуму, а не авторитету и вере [1, с. 19–21]. Между точно установленными фактами и догматической верой располагается та область, в которой осуществляется философский поиск истины бытия. Философия способна идти впереди науки, как бы освещая ей путь. Есть немало примеров того, как гениальные прозрения философов по существу направляли развитие научного исследования. Но дело не только в полезности философии для науки. Задачи философии более широки. Они связаны также и с тем, что философия, будучи понятийно-логической формой мировоззрения, помогает устанавливать тесные связи между всеми областями культуры. Широта и разноплановость философских понятий позволяет использовать их и в научном исследовании, и в осмыслении религиозного опыта, и в постижении таинственной силы искусства, и в разработке программ экономических и социально-политических преобразований.

Многоликость философии и удивительный демократизм ее внутренней жизни, позволяющий мирно уживаться старому и новому, беречь традиции и одновременно стремиться к их преобразованиям, может служить примером того, как на деле соединять информационный хаос и порядок в мыслях. В бурных потоках разнообразной информации наши мысли часто дробятся и мельчают, становятся коротенькими и бессвязными. Приобщение к философии помогает приобрести опыт конструктивного соединения противоположностей, выстраивания из разнообразных фрагментов приемлемого для практики образа развивающейся мировой целостности, в которой мы, люди, являемся соучастниками творческого процесса.

Философию, как и некоторые другие явления духовной жизни общества, отличает далеко простирающийся консерватизм. Мы ведь не сводим, например, художественную литературу только к совокупности произведений, созданных в последние годы или даже десятилетия; счет в ней идет на века и тысячелетия. То же самое и в философии, в которой преходящая интеллектуальная мода или своеобразные творческие паузы вовсе не ставят под сомнение авторитет философской классики. Новое в философии оказывается, как правило, современным переосмыслением давно уже существовавших или разрабатывавшихся воззрений, относящихся к фундаментальным и поистине вечным мировоззренческим проблемам.

Здесь вновь уместно констатировать ключевое значение заинтересованности, увлеченности человека предлагаемыми ему для изучения материалами, в данном случае материалами, входящими в общий фонд философских знаний, признанных в их культурной значимости. Думается, нет ничего предосудительного в отнесении институционализированной образовательной деятельности к сфере услуг. И если получение общего философского образования тоже является предоставлением специфической услуги, то ее получатель, бесспорно, имеет право решающего голоса при оценке качества данной услуги и вообще при определении ее значимых параметров, характеристик.

Очевидно, что мировоззренческие вопросы возникают перед отдельным человеком, группой людей или обществом в целом в процессе их реальной жизни, и квалифицированное и ответственное их обсуждение имеет весьма важное значение с точки зрения плодотворной бытийной ориентации. Такие вопросы не нужно искусственно провозглашать или «заострять»; носители мировоззрения сами способны прийти к ним или признать их значимость. Данные вопросы имеют непосредственное отношение к тому, как люди определяют глубинные смыслы своего бытия и как они ранжируют эти смыслы. Совокупность всех таких жизненных смыслов, которыми руководствуется человек, составляет сущность его личности, его действительное мировоззрение. Весьма показателен тот факт, что маленькие дети практически сразу, как только они начинают уверенно говорить и рассуждать, незамедлительно приступают к постановке серьезней-

ших мировоззренческих вопросов. Оно и понятно: их жизненный опыт пока еще невелик, и пополнение его необходимо совмещать с его постоянным упорядочением. Постигая мир, ребенок стремится выстроить доступную его пониманию общую картину этого мира и вписать самого себя в данную картину.

Все последующие этапы развития человека как личности включают соответствующие мировоззренческие размышления. Нет надобности доказывать, насколько подобные темы важны для учащейся молодежи. А если это действительно так, то и освоение философских знаний необходимо осуществлять в неразрывном единстве с естественным для нее мировоззренческим вопрошанием, осуществляемым в том числе (и прежде всего) на языке повседневности. Но как же тогда быть с великими философскими учениями, со сложным категориальным аппаратом философии? Как сделать их интересными для современного студента или даже школьника? От чего здесь нужно отталкиваться и на что опираться? Простые и однозначные ответы на подобные вопросы, имеющие отнюдь не только методический характер, едва ли окажутся плодотворными.

Прежде всего необходимо учесть, что на школьников и студентов тоже распространяется известная классификация психологических типов, разработанная Юнгом. Она вовсе не сводится к различению экстравертов и интровертов, а учитывает также наличие в человеческой психике целого ряда основных функций, среди которых Юнг особо выделяет мышление, чувство, ощущение и интуицию [3, с. 33]. Преобладание одной из этих функций дает разные результаты для экстравертов и интровертов, существенно сказываясь на познавательных и иных интересах личности. Одни люди тяготеют к общим идеям, стремятся найти формулировки универсальных законов, подчиняющих себе множество частных; другие, наоборот, увлечены конкретными свойствами вещей и не доверяют поспешным обобщениям и абстрактным рассуждениям. Мыслительный тип личности противоположен чувственно-эмоциональному, ощущающий – интуитивному. Наше время как бы навязывает преимущественный интерес ко внешним, вещественным, материальным сторонам бытия, но это давление по-разному сказывается на людях в зависимости от

их основных психологических характеристик. В каждом школьном классе, в каждой студенческой группе мы встречаемся с представителями разных психологических типов. Интересное для одних будет неинтересным, непривлекательным или неубедительным для других.

Вместе с тем молодежь как социальный слой имеет и некоторые общие проблемы, для обсуждения которых в данной среде вырабатываются соответствующие языковые средства. Барьеры на пути освоения материалов философии связаны у молодых людей отчасти именно с разрывом между языком их общения и мировосприятия, с одной стороны, и языком философских текстов – с другой. Способы преодоления или хотя бы ослабления данных барьеров могут быть разными. Во-первых, можно опереться на то, что уже в какой-то степени усвоено учащимися, понято ими. Прежде всего, это материалы всеобщей истории, включающей и историю культуры. Скажем, школьники изучали историю Древней Греции и в основном уяснили те ее духовные достижения, которые оказали самое большое влияние на последующее развитие культуры человечества и наиболее значимы для современности. Соответственно этому, при построении курса философии можно особо выделить именно те учения древнегреческих философов, которые подкрепляются в данном отношении межпредметными связями.

Во-вторых, очень важно избежать обезличенности философских концепций и идей. Она возникает как в результате ошарашивания учащихся целыми списками незнакомых им имен мыслителей, о творчестве которых в силу нехватки времени не сообщается ничего вразумительного, так и вследствие выдергивания из работ этих мыслителей отдельных положений и цитат, и жонглирования ими вне связи с целостным замыслом их учений. Как бы мало времени ни отводилось на изучение курса философии, содержание его необходимо все же представить именно в виде последовательности учений, а не как набор случайных фрагментов. Если убрать из учебного курса философии рассуждения и обоснования выводов, имеющих мировоззренческий характер, то мы получим нечто среднее между цитатником и сборником анекдотов, а это уже не философия.

В-третьих, основное содержание философских учений, отобранных

для рассмотрения, нужно излагать в форме, максимально доступной современной учащейся молодежи. Понятийный аппарат, оформляющий эти учения, тоже нужно адаптировать к современным социокультурным обстоятельствам. Если этого не удастся достичь, значит, изучение соответствующих вопросов лучше отложить до лучших времен, когда будут найдены адекватные способы изложения. Цена ошибки здесь – это отторжение учащихся и либо бесполезная трата времени, либо результат, противоположный добрым намерениям неумелых преподавателей, а речь ведь идет о мировоззренческом развитии молодого поколения, которому принадлежит будущее.

Могут возразить, что предлагаемая здесь адаптация философских текстов чревата искажением замысла их авторов и является профанацией. Такая опасность действительно существует. Вместе с тем определенная трансформация памятников мировоззренческой мысли путем переистолковывания и включения в новые процессы духовной жизни является необходимым герменевтическим аспектом существования и развития культуры.

Список литературы

1. Рассел Б. История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. – Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
3. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М. : Университетская книга, АСТ, 1996. – 716 с.
4. Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 320 с.